

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2013

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. Е. Ветловская. Ф. М. Достоевский в 1840-е годы: литературные переключки в «Бедных людях»	5
К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЕДОРА СОЛОГУБА	
Джейсон Меррилл (США). Образ Иуды в творчестве Федора Сологуба	28
Леа Пильд (Эстония). Хрестоматийный и «другой» Афанасий Фет в лирике Федора Сологуба 1890-х годов	35
Райнер Гольдт (ФРГ). Толпа как безликое олицетворение зла в творческом сознании Федора Сологуба	42
М. Н. Виролайнен. Брачный сюжет в романе «Мелкий бес»	50
А. А. Кобринский. Из комментариев к «Мелкому бесу»	57
Мария Цимборска-Лебода (Польша). «Только я и только ты...»: эротический миф в поэзии Федора Сологуба	63
А. М. Грачева. О писателе Федоре Сологубе, беллетристе Владимире Унковском и редакторе Алексее Ремизове	75
Е. Л. Куранда. Неопубликованные стихи Игоря Северянина, посвященные Федору Сологубу	84
Агнешка Гоздек (Польша). Афродита — олицетворение созидательной силы любви: стихотворение Федора Сологуба «Не иссякли творческие силы...»	90
К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. К. АЗАДОВСКОГО	
М. К. Азадовский в автобиографических документах (публикация К. М. Азадовского)	96
Письма А. М. Астаховой к М. К. Азадовскому (июнь—декабрь 1942 года) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. Г. Комелиной)	104

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

В. Г. Ананьев. Берлинский список Новгородской летописи: предыстория издания	134
С. А. Фомичев. Метаморфозы пословицы о синице	139

Маркус Левитт (США). От лубка к роману: «Бабьи увертки» в «Пригожей поварихе» М. Д. Чулкова	146
Н. А. Хохлова. Автобиографические мотивы элегии Д. В. Давыдова «Бородинское поле»	159
М. И. Медовой. Л. Н. Майков и «судьба девицы Саламбо»	166
С. В. Березкина. «Живет же на квартире у портного Капернаумова...» (из комментария к «Преступлению и наказанию» Достоевского)	169
О. А. Богданова. Через 80 лет: В. Л. Комарович об одном письме Ф. М. Достоевского	179
Ю. Д. Багров. О поэтике стихотворения Я. П. Полонского «По торжищам влача тяжелый крест поэта...»	183
Н. Ю. Грыкалова, Ан Чжи Ен (<i>Республика Корея</i>). Призрак оперы («Паяцы» Р. Леонкавалло в художественном сознании Александра Блока)	188
М. Г. Сальман. Из школьных лет О. Э. Мандельштама. 2. Одноклассники	200
Д. М. Бреслер, А. Л. Дмитренко. Константин Вагинов в диалоге с пролетариатом (литературный кружок завода «Светлана» и работа над историей Нарвской заставы)	212
Н. В. Семенова. Травматический опыт героя в пьесах «оттепельной» ленинианы	234

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Р. Ю. Данилевский. Живая мысль Спасского-Лутовинова	240
К. В. Ковалев. Русские писатели и бразильские интеллектуалы	242
Б. Ф. Егоров. О книге П. А. Дружинина «Идеология и филология. Ленинград. 1940-е годы»	245
Ся Чжунсянь (<i>КНР</i>). Путь журнала «Русская литература и искусство»	249

ХРОНИКА

А. В. Сысоева. Юбилейная международная конференция «Федор Сологуб»	253
Е. Д. Конусова. XXXVII Малышевские чтения	257
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 2013 году	261

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор В. Е. БАГНО

Редакционная коллегия:

Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН,
Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора), А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ,
И. Ф. ДАНИЛОВА (отв. секретарь редакции), Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН,
С. И. НИКОЛАЕВ, Ю. М. ПРОЗОРОВ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru

О ПИСАТЕЛЕ ФЕДОРЕ СОЛОГУБЕ, БЕЛЛЕТРИСТЕ ВЛАДИМИРЕ УНКОВСКОМ И РЕДАКТОРЕ АЛЕКСЕЕ РЕМИЗОВЕ

Первая волна русской эмиграции унесла за пределы России не только значительную часть художественной элиты, но и массу второ- и третьестепенных писателей, журналистов и критиков, по разным причинам также избравших изгнание. Среди этих людей, сейчас в своем большинстве запятованных, был и Владимир Николаевич Унковский (1888—1964). В истории литературы его настоящее имя ныне забыто, однако прозвище известно любому читателю и почитателю творчества Алексея Ремизова. З. Шаховская, не являвшаяся ремизовской поклонницей, вспоминала: «При кажущейся беспомощности он (Ремизов. — А. Г.) лучше всех своих собратьев умел использовать знакомых, разжалобить своей беззащитностью, уверить всех, что в жизненных делах он ничего не смыслит, — и, в сущности, ему помогали, до конца его жизни (...) И чем беззащитнее и преданнее был ему человек, тем больше А. М. над ним издевался».¹ Сказанное критиком можно в полной мере применить к парижскому почитателю и преданному житейскому помощнику писателя — Унковскому. В ремизовской мифологии он известен как «Африканский доктор», хотя имел и иные прозвания: «Мухорот обезьяний», «Поводырь-медведчик». Под прозвищем «Африканский доктор» Унковский является действующим лицом таких произведений Ремизова, как «Учитель музыки», «Мышкина дудочка», «В розовом блеске»; предстает как вставной персонаж в цикле «Легенды в веках», многократно изображается в графических и словесных дневниках, а также часто упоминается в корреспонденции писателя 1930—1950-х годов. Герой ремизовского мифа об «Африканском докторе» — русский эмигрант, врач-неудачник, чудаков-выпивох, постоянно попадающий в анекдотические ситуации. Когда-то он недолгое время работал по специальности в Африке (от этого биографического эпизода и возникло его прозвание), откуда уехал после невообразимо скандального конфуза. В дальнейшем «Африканский доктор» оказался в Париже, где, занимаясь непонятно чем, но только не медициной, стал постоянным посетителем ремизовской квартиры и участником происходивших там фантастических событий.

В реальной жизни Унковский закончил медицинский факультет Харьковского университета и еще в студенческие годы начал заниматься журналистской деятельностью, в частности, был корреспондентом газеты «Южный край». В 1913 году он переехал в Петербург. В 1914 году начинающий литератор был мобилизован и служил врачом военно-санитарного поезда, а с 1916 года стал военным корреспондентом. В годы гражданской войны Унковский находился на Украине, в Харькове, в 1920 году эмигрировал через Галлиполи и Константинополь в Югославию, где служил полковым врачом. Затем он уехал в Африку — во французскую колонию Дагомею, где также

¹ Шаховская З. А. Отражения // Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 126, 128.

работал по специальности. С 1925 года Унковский жил в Париже, где сотрудничал в газетах «Последние новости», «Возрождение», в журналах «Звено», «Числа», а также в русских эмигрантских изданиях США, Китая и Латвии. Он писал мелкие заметки на общекультурные и литературные темы, путевые заметки, воспоминания. В эмиграции Унковский издал книги «Перелом. Роман из эмигрантской жизни» (Париж, 1934), «Наши дни» (Берлин, 1936), «Андрей Клинский» (Париж, 1940), «Икары» (Париж, 1942).² С Ремизовым он познакомился еще в 1913 году, но житейски сблизился с ним уже в эмиграции, в 1930-х годах. Любопытен вариант происхождения прозвища «Африканский доктор», рассказанный самим Унковским: «Когда очутился в Париже, первый мой визит был к Алексею Михайловичу. Привез ему немало разных африканских сувениров — железную стрелу — она так варварски сфабрикована, что ее, благодаря зацепкам, из раны вытянуть невозможно. Привез фетиш, похожий на металлический зонтик, браслеты из жести — их негрятянки носят на руках и ногах и они в „бруссе” (деревня) — весь их костюм... Все это Ремизов развесил на стене против своих рисунков. За чаем Алексей Михайлович прочел главу из начатой им стоглавой повести „Учитель музыки”... Я делился африканскими впечатлениями:

— Третьяго апреля 1917 года, Алексей Михайлович, в Петербурге вы вписали в мой литературный альбом жалованную грамоту: „За крупы всякие, за книги из-под развалин принесенные, за память в трудные времена дан обезьяний знак первой степени с волшебной ячменной крупинкой — для ношения”... И этот альбом путешествовал со мною по африканским джунглям.

— А встречали вы там не наших символических, а живых обыкновенных обезьян?

— Тысячами. С дерева на дерево перепрыгивают.

— Стало быть, вы — африканский доктор — отныне производитеесь в старейшие кавалеры обезьяньего знака.

С тех пор под титром „Африканский доктор” я стал одним из героев многочисленных ремизовских рассказов и его книги „Мышкина дудочка”. <...> Летом в хорошую погоду я веду Алексея Михайловича на прогулку. Идем по солнечной левой стороне улицы Буало, где он живет. Веду Ремизова под руку. На двери его квартиры во время нашей прогулки прищипливается объявление: „Я под верной рукою африканского доктора”.³

Общение двух литераторов стало особенно тесным после проведенных вместе годов немецкой оккупации Парижа и в 1940—1950-е годы. Когда Ремизов почти полностью ослеп, Унковский оказывал ему всестороннюю практическую помощь. Для него маститый писатель всегда был явленным олицетворением того мира «большой литературы», с которым начинающий литератор реально соприкоснулся лишь на миг — в момент своего пребывания в Петербурге рубежа 1913—1914 годов. В годы эмиграции он несколько раз воскрешал этот ушедший мир в своих статьях и воспоминаниях. В его текстах одним из главных мысленных воплощений той ушедшей эпохи стал Федор Сологуб.

В 1930 году в чикагском журнале «Москва» Унковский опубликовал воспоминания «Из моих встреч с Федором Сологубом».⁴ В них наибольшее

² См.: Российское зарубежье во Франции: Словарь. М., 2010. Т. 3. С. 384.

³ Унковский В. А. М. Ремизову — 80 лет // Возрождение (Париж). 1957. Июнь. Т. 66. С. 56—57.

⁴ Унковский В. Из моих встреч с Федором Сологубом // Москва (Чикаго). 1930. Vol. II. № 10 (20). С. 14—15.

внимание было уделено его первому знакомству с поэтом, состоявшемуся в Харькове в 1910 году, когда студент Унковский взял у маститого писателя интервью для газеты «Южный Край». Последнее затем было перепечатано рядом других южнорусских газет и даже послужило сюжетом для опубликованной в газете «Киевская мысль» басни «Поэт и кутузка». В этих воспоминаниях, в частности, говорилось:

«Писатель был недоволен моим визитом <...> Но скоро крайняя молодость интервьюера (я выглядел совсем птенцом — гимназистом не старше пятого класса в студенческой тужурке) — развеселила Сологуба. Он добродушно трепал меня по плечу, называл „моим юным другом“, охотно отвечал на все мои вопросы и попросил сопроводить его в пассаж Пащенкова-Тряпкина, где хотел купить себе галстук. Долго выбирал себе галстук, заходя в несколько магазинов — и все не мог найти подходящего.

— Вы загадочный писатель, — сказал я ему.

— Почему?

— В ваших произведениях фантастика часто легко сплетается с действительностью.

Сологуб ответил:

— Что такое действительность, что такое фантастическое?.. У нас под действительностью понимают только то, что абсолютно реально, не допуская никаких возражений. А почему не считать действительностью также того, что нам приходит в мечтах, что мы воображаем себе, о чем думаем, сидя у себя в кабинете?.. И возьмите наоборот... Разве то, что происходит у нас теперь в России похоже на действительность. Подчас самая пылкая фантазия не вообразит таких фактов нашей действительности, которые мы называем „бытовым явлением“... Если мы, устраивая нашу жизнь, будем опираться на абстрактные понятия — добро, правду, красоту, справедливость — наступят хорошие времена.

— Какой же выход из нашей современной русской действительности? — спросил я.

— В фантазии. <...>

Так завязалось мое знакомство с Федором Сологубом, которое не прерывалось, пока я не эмигрировал за границу. <...> В 1913 и 1914 годах живя зимой в Петербурге, и во время войны наезжая постоянно туда, я часто посещал Ф. К. — сначала в его квартире на Разъезжей, а потом на Васильевском острове. У него вечерами постоянно было много народу. Приходить можно было в любое время. Первый раз я к нему приехал вместе с профессором К. И. Арабажиным во втором часу ночи. На Разъезжей Ф. К. принимал гостей или в своем кабинете, сплошь уставленном книжными шкафами и заваленном книгами, или в большой длинной узкой столовой, где под потолком у карниза были протянуты аллегорические панно. Вообще в квартире было много декоративно мистического». ⁵

Как видно из приведенной цитаты, воспоминания о встречах Унковского и Сологуба содержат любопытные сведения о каких-то реалиях быта поэта, и в то же время в них представлена традиционно-банальная фиксация взглядов писателя-символиста.

Следующее обращение «Африканского доктора» к тени Федора Сологуба относится к 1941—1946 годам, когда Унковский работал над оставшимся неопубликованным романом «Ступени». ⁶ Это было повествование о годах взросления Павла Николаевича (Павлуши) Покевича — харьковчанина, ме-

⁵ Там же.

⁶ Унковский В. Н. Ступени // ИРЛИ. Р. I. Оп. 30. Ед. хр. 39. 368 л. Далее роман цитируется по данному источнику.

дицинского студента, увлекающегося литературой. Образ главного героя «Ступеней», несомненно, имеет автобиографический характер. Хронологически роман заканчивался описанием начала Первой мировой войны, когда Покевич осознал, что прежняя мирная жизнь с ее чаяниями закончилась.

Наибольший историко-литературный интерес представляет пятая часть романа, озаглавленная «Петербург». В ней изображено пребывание Покевича в столице. Завязавшийся там бурный роман героя с демивьержкой Ларисой — курсисткой и одновременно тайной осведомительницей охраны — развивается на фоне посещения Павлушей литературных заседаний и салонов петербургских писателей. Среди увиденных героем лиц литературного бомонда — Н. Агнивцев, А. Блок, С. Городецкий, М. Горький, С. Есенин, С. Клычков, М. Кузмин, А. Куприн, Скиталец, Н. Ходотов, И. Ясинский и др. Из всей пестрой череды встреч героя наиболее детально отображено знакомство Павлуши с Сологубом. Примечательно, что контакты молодого человека с известным символистом происходят параллельно его встречам с другой петербургской знаменитостью — Алексеем Ремизовым.

Вместе с последним и его супругой — С. П. Ремизовой-Довгелло — Павлуша посещает публичную лекцию Сологуба о Франсуа Рабле. Далее автор приводит как бы отрывок ее текста — слова писателя, услышанные ничего не понимающей в декадентском искусстве Ларисой:

«Что такое действительность, что такое фантастика?.. У нас под действительностью понимают все реальное. Твердят о быте, требуют копирования быта с полной пунктуацией. А по-моему, надо считать действительностью все, что приходит в мечтах, что воображаем! <...>

Размеренные интонации сологубовской речи раздражали Ларису — была готова бежать к Павлуше. А тот, поглощенный лекцией, изредка бросал косые взгляды в сторону Ремизова, сидевшего в четвертом ряду. Чувствовал Покевич, что каждое сологубовское слово, даже его нюанс, воспринимает Ремизов всем нутром, несмотря на крайнюю свою близорукость.

— Сфинкс! — подумал Павлуша».

Очевидно, что услышанное героиней представляет собой неточную автоцитату из текста воспоминаний Унковского о своей харьковской встрече с поэтом. Однако примечательно, что в текст романа также включено описание восприятия выступления Сологуба Ремизовым.

После лекции главный герой встречается своего товарища по газете «Южный Край» — профессора К. И. Арабажина, и тот предлагает поехать к поэту в гости:

«Было четверть третьего, когда они подъехали к квартире Сологуба на Разъезжей. Как в тумане Покевич разделся в передней и как в тумане очутился в большом обществе в длинной комнате, карнизы которой окаймляло панно, растянувшееся, как показалось Павлуше, на целых три простенка. Сюжет панно был мифологический. Боги и люди, нагие тела, солнце и звезды. Но Павлуша от смущения не смел разглядывать. Сологуб стоял, прислонившись к печному простенку, и грел спину.

Арабажин представил:

— Влюбленный в Вас юноша — член редакции харьковской газеты „Южный Край”.

Сологуб предупредительно пожал руку:

— Знаю, газета солидная и хорошо обо мне писала, я у вас в драматическом театре ставил „Мелкого беса”. И было напечатано интервью молодого студента, оно произвело сенсацию, перепечатали его провинциальные газеты и комментировали без конца, и басни были, и сказки, и статьи!.. Ваше лицо что-то мне знакомо, уж не Вы ли автор интервью? Молодой студент, в

возрасте не то 15-ти, не то 11-ти лет, я сладко спал, жена разбудила: представитель прессы. Я был зол и хотел представителя прессы выставить за дверь из „Большой московской гостиницы”, но увидел желторотого воробыша и умилился. Старые знакомые, не так ли?..

Ремизов пришел на помощь:

— Как же, как же, Федор Кузьмич, вы давно знакомы. Он мне с Серафимой Павловной рассказывал, Вы вдвоем с ним в Харькове на Университетской горке на комету Галлея глядели, в Пассаже галстук купили.

— Галстук помню! — воскликнул Сологуб, — оказался препаршивый, заплатил я очень дорого.

Рассмеялся:

— Вам, молодой человек, пожалуй, неведомо, но Вы волей-неволей, благодаря интервью приобрели всероссийскую славу. Послушайте, какую басню о нас с Вами написала газета „Русь” в Киеве, я ее наизусть запомнил: (далее приведен полный текст басни. — А. Г.). Анастасия Николаевна, займись с нашим молодым другом!

Жена Сологуба — известный литературный критик, писавшая под псевдонимом „Анастасия Чеботаревская”, села рядом с Павлушей на соседний свободный стул. Маленькая, худая, вся сила в больших глубоких глазах, которые глядели напряженно и пытливо. Была в длинном, облежавшем тело платье и золотых туфлях на босу ногу. Декольте открывало сильно выступавшие ключицы над большими впадинами.

Чеботаревская покончила с собой, бросившись в Фонтанку, никто не понимал, какова причина этой странной смерти, и Сологуб никогда не смог ее разгадать. Вообще было много странного. Супруги хлопотали о выезде за границу. Троцкий, который им покровительствовал, выхлопотал разрешение, они просрочили визу, возбудили новое ходатайство. Троцкий опять хлопотал... И так до трех раз. И вместо отъезда Анастасия Николаевна утопилась в Фонтанке. Может быть, она предпочла смерть разлуке с Родиной? Трудно читать в людских сердцах...

— Давно Вы в Петербурге? — спросила Чеботаревская Павлушу... Уже несколько месяцев! И стеснялись к нам зайти? Не осмелились! Мы же в Харькове познакомились — и, значит, милости просим... Сколько Вам лет?.. Ах, уже... Ваш Харьков мне понравился. Город, правда, без достопримечательностей, но похож на парижский Латинский квартал. А вот гимназисток у вас гибель. В разной форме мелькают и бегают. В голубой, серой, фиолетовой, малиновой, зеленой, и фартуки — то белые, то черные. И сколько я видела хорошеньких-прехорошеньких гимназисточек. Вы влюблены, конечно, в одну из них?.. Он покраснел... Как это хорошо!.. Будете потом завидовать вашим сегодняшним дням.

— В чем ты так жарко убеждаешь нашего молодого друга, — спросил Сологуб, давно уже глядевший на них пристально.

— О Харькове говорим.

— Харьков приятный, — сказал Сологуб. — Ваш „Южный Край” — солидная газета. У вас постоянно печатаются: Григорий Петров, сенатор Кони, Вы, Константин Иванович, там фаворит, очевидно. Леонида Андреева раз встретил.

— И единственный, — решил вставить свое слово Павлуша.

— А вот меня не приглашают, — и Сологуб нахмурился. — А вот Алексей Михайлович, — вдруг повернулся к Ремизову, стоявшему у пианино и беседовавшему с редактором „Лукоморья” Белковским о византийских легендах. Ремизов, присутствуя, отсутствовал, не понимая, о чем спрашивал Сологуб.

— Вас, Алексей Михайлович, приглашали сотрудничать в „Южном Крае“? — осведомился Сологуб в довольно резком тоне.

Ремизов, продолжая тихо улыбаться, невозмутимо ответил:

— А спросите Покевича. Он же член редакции.

Чеботаревская повела плечами и обратилась к Павлуше:

— Федор Кузьмич удивляется, просматривая вашу газету. Я тоже. Ваши позиции, ваше кредо?.. Оговариваюсь, конечно, вашей газеты. Я не в политическом смысле спрашиваю, но подбор имен. У вас печатаются: Александр Рославлев, проф. Озеров, Великий Князь Александр Михайлович, московский беллетрист Грузинский, Ольга Чумина, Троцкий из Берлина, Яворский из Парижа, Первухин из Рима...

Арабажин, видя, что Покевича прижали к стенке, вступился:

— Вы насели на милого мальчика, при чем здесь он? Издатель газеты — самодур, сотрудники его окрестили прозвищем „Борода“, так как она у него холеная, приятная, барская. Издатель — таких в России наперечет: Сытин, Казацкий — московские, Проппер — петербургский.

Ремизов перебил:

— Смирдина добавьте. И нынешнего Зиновия Исаевича Гржебина.

Чеботаревская усмехнулась:

— Я готова Вас расцеловать за Вашу способность вернуть словцо и очень меткое. Не добавите ли еще Максима Горького, он вместе с Гржебиным орудует... Алексей Михайлович, не поймешь Вас, когда Вы говорите серьезно. Сам Нострадамус не разгадал бы. И в кого Вы уродились?

— Врет все, — буркнул Сологуб.

Павлуша заметил, что двое гостей пришли после трех часов ночи. И сомневался, не на луну ли попал.

Ужинали долго, медленно закусывали под водку, яства были обильными. Павлуша после нескольких рюмок охмелел и, почувствовав это, больше ни к чему не притрагивался... Он сидел между длиннородым стариком и молодым человеком с черными усиками, — оба соседа с Павлушей не сказали ни слова. Но после ужина сосед с черными усиками вздумал читать свою одноактную пьесу в стихах. Павлуша запомнил имена действующих лиц: Хряц, Прац, Плац, Пава, Драва, Сава, на манжетах записывал карандашом:

И почему Хряцем зовусь,

А потому что хряц.

Со скукой смертною вожусь -

Мне помогает Прац...

Часу в шестом утра кому-то пришла мысль — ехать в извозничью чайную. Сологуб не протестовал. Большая кампания человек в 15-ть рассаживалась в парных экипажах на дутых шинах, ехали добрых полчаса по незнакомым Павлуше улицам, его соседи храпели, и Покевич, высаживаясь, их будил, вежливо расталкивая за плечи.

„Чайная“ дышала водочным перегаром. В просторном помещении нижнего этажа в тумане испарений маячили столики. Дым коромыслом стоял. Среди разнокалиберного серого люда — пьяных мастеровых и ремесленников — за иными столиками сидели мужчины во фраках и женщины в бальных платьях.

К сологубовской кампании тотчас подошел хозяин — плотный, широкоплечий с черной широкой бородой. Сологуб что-то показал брютету в смокинге, ехавшему в одном экипаже с Павлушей. Тот и хозяин жали друг другу руки. Павлуша понимал, что на двух полюсах земного шара могут быть общие знакомые.

Хозяин степенно удалился, но через минуту в помещении засуетились несколько половых, кричали, ругались, столики теснились, — посередине образовалась пустота. Половые на головах внесли большой стол, он был втиснут в эту пустоту вместе со скамейками. Брюнет в смокинге кричал:

— Рассаживайтесь, кто во что горазд, рассаживайтесь!.. Мы на дне пролетариата, сами понимаете. А потому без чинов и рангов и без местничества.

— Оставьте для меня самое дно, — процедил сквозь зубы Сологуб.

— Есть! — и брюнет приложил ладонь ко лбу, отдавая честь по-матросски.

Опять пили водку, Ремизов явно устал, тер лоб левой рукой в недоумении. Для не привыкшего к кутежам обстановка была дикая.

Сологуб, чувствуя себя в своей тарелке, почему-то запальчиво ответил жене:

— Мы не спешим. В нашем поле зрения три дилеммы: 1) смерть, 2) копчение неба, 3) жизнь. Дьявол пусть качает качели — раскачивай, черт с тобой!.. Господи, здесь за столом сидит четырнадцать. Анастасия Николаевна сделала мне справедливый упрек — в церкви покупают свечку, но мы пришли в чайную.

И подозвал полового:

— Чаю на 14 человек! Кто возражает?

Ремизов поднял две руки.

— Протестует Алексей Михайлович?

— Наоборот, Федор Кузьмич, прошу меня считать за двоих и при том крепкого чаю.

— Ах, взамен водки, которую Вы не пьете. И мило, и выгодно угощать таких людей. Дешево и сердито.

— Дешевле грибов! — крикнул брюнет в смокинге.

— Дешевле галстука, — и Сологуб хитро подмигнул Покевичу. — Молодой человек меня понимает с полуслова. У нас с Вами сродство душ, секрет между нами.

— Ей-Богу, клянусь! — воскликнул Павлуша экзальтированно.

Ремизов усмехнулся:

— Секрет Полишинеля и ларчик просто открывался.

— Эх, мы! — Сологуб ударил себя по лбу, — Вы же хранитель печати, главнопопавший... Коли б денег тьма — поехал жениться — жена не годится. И так, я погиб, Алексей Михайлович, Вы меня угробите!

И запел из „Гугенотов“:

„У Карла есть враги...“

От Сологубов Павлуша вернулся домой в 10 часов утра и спал до вечера, пропустив нужные дела.⁷

Анализ процитированного отрывка из романа «Ступени» показал, что он прежде всего базируется на повторении текста воспоминаний Унковского о Сологубе. Вспомним, что именно эти краткие мемуары лежат в основе описания посещения главным героем лекции Сологуба. Сюжетный эпизод первого визита молодого литератора в петербургскую квартиру поэта также является, по сути, развертыванием краткого упоминания об этом событии в той же журнальной публикации. Однако при работе над ним Унковский обратился еще к одному источнику сведений о Сологубе. Их предоставил писателю человек, которого он беззаветно любил и перед чьим талантом преклонялся; писатель, когда-то сам бывший участником жизни литературного Петербурга Серебряного века — Алексей Ремизов. Прямое доказательство

⁷ Унковский В. Н. Ступени.

включенности последнего в процесс создания «сологубовского эпизода» содержится в письме Унковского Ремизову от 26 сентября 1950 года. В нем автор романа сообщал: «Дорогой Алексей Михайлович! Сегодня много работал и добавил в свой роман „Ступени” — еще 150 строк. Там где Федор Сологуб и Вы. Помните, у меня Сологуб сказал: — А⟨настасия⟩ Н⟨иколаевна⟩, займись с нашим молодым другом: „К Павлуше подседа жена Сологуба А. Н. Чеботаревская”. Дается ее характеристика (о чем у нас с Вами был разговор и, как Вы знаете, все Ваши указания приняты во внимание). А после характеристики: „От Сологубов Павлуша ушел в 10 час⟨ов⟩ утра”. Всякий чуткий читатель почувствует некий провал в романе. Сегодня я этот провал заполнил и дописал 150 строк, где Вы доминируете. — Вам посвящено много новых строк. В пятницу прочту. Вас, Алексей Михайлович, я любил более 30-ти лет, люблю и буду любить».⁸ Кроме этого письма сведения об участии Ремизова в создании этих страниц романа можно найти в самой хранящейся в Рукописном отделе Пушкинского Дома рукописи произведения.

Она представляет собой беловой автограф с многочисленной авторской правкой. В листы, содержащие описание первого посещения Павлушей квартиры Сологуба, вклеен отдельный маленький листок бумаги с записями рукой Ремизова. Это — краткий план — как бы пункты для дальнейшего разговора писателя с Унковским: «1) Чумина 2) никогда не сижу в мяг⟨ком⟩ глуб⟨оком⟩ кресле у рояля. ⟨1 нрзб.⟩ О византийских легендах. Обложка Н. С. Гончаровой. Два ангела — татарчата. Ф⟨едор⟩ К⟨узъмич⟩: «Врет все», — заметил Сологуб. Разрешение на выезд — в Париж — Троцкий 1920 [колтоногая] колтоножка ⟨Помета Унковского:⟩ Написано Ремизовым, подчеркнутое красным: „— Врет все, — заметил Ф⟨едор Кузмич⟩”». А на обороте листа рукописи романа «Ступени» с подклеенной запиской Ремизова имеется еще одна приписка Унковского, как бы подчеркивающая почерпнутое из беседы с писателем осознание значимости сделанного поэтом уничижительного определения сути Ремизова: «Выше пришпилен ремизовский автограф, где имеются его слова: „— Врет все!” (Далее повторен еще один вариант этой же фразы. — А. Г.) — Врет все, — буркнул Сологуб. — Положим, не все, — добавил задумчиво».⁹

Итак, петербургский «сологубовский эпизод» романа «Ступени» был создан в значительной мере на основе устных бесед Унковского с Ремизовым. В связи с этим многое в нем основано на сведениях, предоставленных последним. Среди прочего заслуживает особого внимания отличающееся четкостью мысли изложение истории самоубийства Чеботаревской, очевидно, представляющее собой версию мэтра-редактора текста. Также знаменательно включение в достаточно примитивное описание бесед в извозчицкой чайной фразы, как известно, неоднократно цитировавшейся Ремизовым в его воспоминаниях о Сологубе: «Врет все». К примеру, сравним ее с текстом ремизовской заметки 1956 года, сделанной литератором для готовившейся им книги о самом себе — «Лицо писателя»: «До расчленения на „писателя” и „человека” в памяти храню о себе: 1) „все врет” 2) грубый. С расчленением на „человека” и „писателя”: 1) подражатель (В. Пяст) 2) без корней (Степун) 3) хитрый — „из воды сух выйдет” (Чулков) 4) литературный вор (А. А. Измайлов) 5) все врет (Ф. К. Сологуб)».¹⁰ Характерно, что эта сологубовская фраза включена Ремизовым в итоговый перечень наиболее

⁸ Архив Резниковых (Париж). С 2013 года — ГЛМ (Москва).

⁹ Унковский В. Н. Ступени.

¹⁰ Ремизов А. Лицо писателя // Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910—1950-е годы). СПб., 2010. С. 393.

обидевших его оценок своей личности и творчества, когда-либо сделанных братьями по перу.

Унковский был свидетелем установившихся перед смертью контактов Ремизова с учеными Пушкинского Дома, в частности с В. И. Малышевым. Как известно, перед смертью писатель выражал желание отослать свой архив в Институт русской литературы, но не успел это сделать. Подражая своему кумиру, Унковский отправил в Ленинград свои рукописи, и в том числе автограф романа «Ступени». В письме к В. И. Малышеву от 31 мая 1962 года он сообщал: «Послал (...) на Ваше имя для „Пушкинского Дома” мой роман в 5-ти частях „Ступени” из дореволюционной русской жизни. Роман был проредактирован Алексеем Михайловичем Ремизовым. 5-ая часть романа, „Петербург”, в которой Ремизов является одним из персонажей романа — проредактирована А. М. Ремизовым особенно тщательно и неоднократно. Роман в некоторой степени носит автобиографический характер».¹¹

Подводя итоги, можно отметить, что сами по себе реальные контакты Унковского и Сологуба были эпизодическими и поверхностными. Лишены глубины восприятия, а также таланта изложения и последующие воспоминания о них литератора-эмигранта. Иное историко-литературное значение имеют ремизовские коррективы, внесенные в графоманский роман Унковского. Эти дополнения, как палимпсест проступающие сквозь «чужой текст», фактически представляют собой поздний вариант ремизовских воспоминаний о Сологубе и его жене, а также непрощающее финальное слово Ремизова о давно умершем сопернике, чей «Мелкий бес» затмил появившийся одновременно с ним роман «Пруд».

¹¹ ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1555. Л. 12.